

«Народная лингвистика» как объект исследования

В основу помещенной в этот номер подборки статей положены доклады, сделанные на конференции «“Народная лингвистика” — взгляд носителей языка на язык», организованной в ноябре 2012 г. совместно Институтом лингвистических исследований РАН и факультетом антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге в рамках партнерской деятельности в составе научно-образовательного центра «Языковые ареалы России»¹.

Самостоятельная ценность изучения представлений говорящих о своем языке впервые была обозначена достаточно давно — в докладе, сделанном Генри М. Хенингсвальдом в 1964 г. на конференции по социолингвистике в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе [Hoenigswald 1966]. В России об основной идее этого доклада стало известно благодаря седьмому выпуску переводного сборника «Новое в лингвистике» [Новое в лингвистике 1975]. В программной статье «Параметры социолингвистики», открывающей этот сборник, У. Брайт, кратко упомянув о докладе Хенингсвальда, отметил термин «народная

Евгений Васильевич Головкин
Институт лингвистических исследований РАН /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
evggolovko@yandex.ru

---

¹ См. тезисы конференции: [«Народная лингвистика» 2012], а также обзоры: [Гаврилова 2013; Гулида 2013].

лингвистика» (введенный тем же Хенингсвальдом) как чрезвычайно удачный и охарактеризовал предметную область изучения следующим образом: «Это разница между тем, как люди используют язык, и тем, что они думают о своем языковом поведении и языковом поведении других» [Брайт 1975: 37]. Хенингсвальд [Hoenigswald 1966: 20] призвал изучать не только собственно язык (чем всегда и занималась лингвистика), но и реакцию людей на использование языка, а также то, что люди говорят о языке (см. также: [Niedzielski, Preston 1999]). В докладе предлагалась краткая программа изучения этого круга вопросов: «народная» терминология, используемая для языковых категорий (слово, предложение и т.д.) и явлений (синонимия, омонимия), для речевых актов, а также то, какое выражение, по мнению носителей, находят в речевом поведении социальные категории (возраст, гендер), и т.д. Автор доклада настаивал на том, что не следует пренебрегать изучением мнений носителей о языке и нельзя рассматривать их исключительно как источник ложных и нелепых представлений.

Это предостережение Хенингсвальда в основном не было услышано лингвистами, занимающимися анализом грамматических структур (“core linguistics”): чаще всего «народные» представления о языке по сей день расцениваются ими как дилетантизм и не вызывают никакой другой реакции, кроме презрительного недоумения. В самые последние годы в России разоблачительный пафос стал свойствен довольно многим работам¹, что связано, очевидно, с произошедшими в 1990-е гг. социальными переменами, возможностью более свободного выражения мнений по самым разным поводам, а также с изменением статуса научного знания (см. дискуссию «Наука и псевдонаука» в восемнадцатом выпуске «Антропологического форума» за 2013 г. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2013_18/>). На лингвистов в этом отношении большое влияние оказала книга А.А. Зализняка о любительской лингвистике [Зализняк 2010]. В настоящей подборке это направление, отстаивающее строго научные принципы, в значительной степени отражает статья В.М. Алпатова.

Особенно часто осуждению (и даже осмеянию) в профессиональной среде подвергаются народные этимологии. Между тем научный подход предполагает не осуждение, а стремление понять, что стоит за народными этимологиями, каковы их социальные причины и следствия, какие культурные смыслы они несут. Такая попытка предпринята в статье В.Б. Колосовой.

---

¹ Справедливости ради отметим, что появляются и работы, анализирующие «народную лингвистику» как самостоятельное явление: [Обыденное метаязыковое сознание 2008].

Автор анализирует, как соотносятся название растения и его магическое использование. С точки зрения зависимости магических практик от использования языка самыми интересными представляются случаи, когда «растение получает свое имя на основе какого-либо объективного признака, а затем это имя вступает в дальнейшие связи со словами и реалиями, “обрастая” вторичными ассоциациями и диктуя логику своего использования» (с. 96 настоящей подборки). Один из примеров такой зависимости, приводимый в статье: в области Карлово (Центральная Болгария) на новоселье в дом сначала вносили *сито*, чтобы дом был *сытым* (болг. *сит*), и *лук*, поскольку он приносил удачу (болг. *сполука*).

Роль народной этимологизации, хотя и несколько в другом ракурсе, обсуждается в статье И.А. Шаронова. По мнению автора, именно это явление можно считать причиной появления новой грамматической структуры в русском языке. Речь в данном случае идет о сочетаниях с числительными *два*, *три*, *четыре*. Переосмысление формы *груши* в конструкции *три груши* как формы им.п. мн.ч., а не формы род.п. ед.ч. приводит к изменению правила сочетания в количественных конструкциях с прилагательными: вместо формально правильного сочетания *три сладких груши* появляется конструкция *три сладкие груши* — прилагательное согласуется с им.п. мн.ч. существительного.

К двум упомянутым статьям примыкает (хотя и со значительной долей условности) работа Д.В. Сичиनावы: автор демонстрирует метафорическое употребление лингвистического термина *плюсквамперфект* в художественной литературе и публицистике XX–XXI вв. Несомненно, интересен уже вопрос, почему именно этот термин вдруг стал популярен среди людей, не имеющих отношения к лингвистике. Возможно, как отмечает сам автор, не последнюю роль здесь сыграл внешний облик латинского слова: его длина, необычные сочетания согласных придают ему несколько «заумную» окраску (ср. другое популярное по этим же причинам слово — *синхрофазотрон*). Однако в отличие от последнего, где обыгрывается только форма, не менее важным оказалось содержательное наполнение слова *плюсквамперфект*, допускающее метафорическую реинтерпретацию, которая, вероятно, позволила заполнить смысловую лауну в нелингвистических «интеллектуальных» контекстах. В то же время тот факт, что метафорическое употребление слова в языке художественной и публицистической литературы обнаруживает сходения с данными грамматической типологии, кажется случайным.

Из статьи Н.Г. Брагиной хорошо видно, какова разница между толкованиями слов в «классических» словарях и трактовкой

слов носителями (этому посвящена также статья Е.Д. Бондаренко). Если принять в расчет личный опыт «наивных лексикографов», определяющий варианты представления исследуемых понятий (в данном случае «концептуальных слов»), вполне естественной кажется то многообразие «наивного» материала, с которым сталкивается автор. Внимательное и непредвзятое отношение к новым условиям функционирования языка (интернет-коммуникация) и, как следствие, новым языковым явлениям позволяет автору предположить, что усиление метаязыковой рефлексии, включая расширяющуюся практику наивных толкований, может также оказать влияние на структуру лексикографических толкований. В связи с этим стоит сказать о том, что сейчас намечается поворот от научной ригористичности к более гибким принципам, предполагающим учет реального опыта носителей (см. статью Б.Л. Иомдина). Такой поворот означает (частичный) отказ от жестких ограничений, традиционно исповедуемых структурной лингвистикой, и обращение к методам лингвистической антропологии, предполагающим внимание к тому, *как используется язык*; при этом никакие данные, если они получены от любого информанта, говорящего на родном языке, не могут игнорироваться (ср.: «Антропологическая лингвистика рассматривает язык через призму ключевого антропологического концепта культуры и поэтому стремится вывести значение из употребления, неправильного употребления или неупотребления, из его различных форм, регистров и стилей» [Foley 1997: 3]).

В статье Э. Фавро поднимается традиционная для социолингвистики тема соотношения стандартного языка и диалектов в сознании говорящего. Стандартный язык традиционно воспринимается как образцовый, при этом факт использования этого языка всеми говорящими предполагает его объединяющую роль. Однако автор статьи на основе анализа полученных данных приходит к интересному заключению о разъединяющем характере стандартного языка. В самом деле, как ведут себя культуры, в которых не существует стандартного языка? Преодоление «разъединения» (если оно вообще имеет место) достигается благодаря тому, что выучивается другой диалект или более престижный язык (тоже нестандартизованный). Если же к нестандартизованному языку добавляется стандартный, то предполагаемый объединяющий эффект нейтрализуется тем, что вводится еще один, «разъединяющий» параметр — степень владения стандартным языком. Если при отсутствии стандартного языка все считаются одинаково хорошими носителями родного диалекта, то в случае стандартного языка его носители (точнее было бы сказать — пользователи) используют его с разной степенью искусности, и для измере-

ния степени этой искусности в рамках образовательной системы существуют специальные инструменты и процедуры.

Как показано в статье А.А. Лопухиной, роль диалектов, несмотря на их заведомо невыгодное по сравнению со стандартным языком социальное положение, в определенных условиях может повышаться. В частности, это происходит, если включается фактор самоидентификации. Вообще фактор самоидентификации в использовании языка трудно переоценить. Это с очевидностью следует из работы В.В. Барановой, рассмотревшей, как конструировался и продвигался новый «кацкий язык». Этот интересный случай, помимо прочего, указывает на «народные» представления о том, что прежде всего требуется для того, чтобы новый конструкт в сознании непрофессионалов считался языком. Главным показателем нового языка оказывается лексика (в данном случае она даже фиксируется в «народном» словаре). Это хорошо согласуется с теорией осознания носителями языка различных лингвистических элементов (*language awareness*), сформулированной М. Силверстином [Silverstein 1979; 1981]. По его утверждению, базой для спекуляций по поводу природы и устройства языка, прежде всего в рамках «народных» теорий языка и лингвистических идеологий¹ вообще, чаще всего становятся референтные элементы языка, которые благодаря этому свойству легко поддаются метасемантическому глоссированию. Силверстин [Silverstein 1981] строит типологию осознаваемости грамматических категорий, в которой элементы с более ясно выраженным референтным компонентом (в том числе делением на именные и глагольные корни и т.д.) как достаточно легко осознаваемые оказываются на одном конце шкалы, в то время как элементы, связанные с прагматикой и являющиеся знаками-индексами, — на противоположном. Другими важными факторами, влияющими на осознание носителями языковых элементов, оказываются сегментируемость элемента и наличие контекстных пресуппозиций. Хотя в настоящей подборке статей тема возможности осознания различных языковых элементов носителями языка эксплицитно не обсуждается², она, несомненно, является ключевой при рассмотрении проблематики, связанной с «народной лингвистикой», и ее нельзя упускать из виду.

¹ О понятии «языковая идеология» см.: [Woolard, Schieffelin 1994].

² Отметим также еще одну тему, которая совсем не отражена в отобранных для этой подборки статьях (хотя она и была представлена в нескольких докладах на конференции, в частности в выступлениях О.А. Казакевич, Г.А. Мороза, А.А. Сомина: [«Народная лингвистика» 2012: 24–25, 42–43, 64–66]), — это так называемая «народная диалектология», с которой собственно и началась современная «народная лингвистика», см.: [Preston 1989; 2010; Montgomery, Beal 2011].

Несмотря на то что языковые оценки и отношение к языку (language attitudes), как правило, не включаются в область «народной лингвистики» [Niedzelski, Preston 1999; Preston 2004], они так или иначе связаны с ней. Статья А.В. Приходкина посвящена восприятию и оценке чужой речи. Исследование показывает, что самым важным при оценке речи участниками эксперимента оказывается не собственно лингвистический фактор, а социальный: специфика присвоенных дикторам «чужих» этнических имен оказывается важнее «объективных» лингвистических характеристик.

Изучение отношения к языку включает вопросы формирования у носителей представления о стандартном языке, о необходимости овладения нормой и соблюдения «культуры речи». В последние пятнадцать-двадцать лет, в первую очередь из-за массового распространения интернет-коммуникации, вырос интерес «простых» носителей языка к лингвистическим проблемам вообще и проблеме «правильности», «чистоты» языка в частности. Этот вопрос, среди прочих, обсуждается в статье В.А. Ефремова. Автор выделяет новые формы народной лингвистики, появившиеся благодаря существованию интернета: «жаргон падонкафф (олбанский язык)», «движение граммарици (Grammar Nazi)», лингвистический троллинг и закон Годвина (еще одна стратегия ведения интернет-полемики)¹.

К упомянутой выше статье близка по тематике другая работа — Е.Н. Геккиной. Автор рассматривает метаязыковые высказывания, в которых используемые языковые выражения характеризуются с точки зрения их соответствия нормам «культуры речи». Анализируются фрагменты текстов (взятые из интернета), авторами которых являются рядовые носители языка. Этот материал сопоставляется с данными архивов справочных служб русского языка.

Если принять в расчет то несомненное обстоятельство, что язык представляет собой одну из культурных практик, исследователь, точно так же как и при изучении любой другой культурной практики (свадьба, похороны, приготовление пищи, участие в хозяйственной деятельности и т.д.), вправе поинтересоваться точкой зрения информанта на язык, его представлениями о том, что, как и в каких случаях говорится им самим и его партнерами по коммуникации. Разумеется, получив такой комментарий, исследователь не обязан принимать полу-

---

¹ Заметим, что тема «Язык интернета» стала сегодня у лингвистов одной из самых популярных. Нет решительно никакой возможности перечислить всю литературу на эту тему. Отмечу лишь, что для исследования этой проблематики на российском материале очень много сделал М.А. Кронгауз в своих многочисленных выступлениях и публикациях (см., например: [Кронгауз 2007; 2013]).

ченную информацию за чистую монету, скатываться в пост-модернизм, уверяя, что это еще одна, альтернативная, «народная» наука. Напротив, оставаясь в рамках вполне традиционных научных методов, надо постараться ответить на вопрос, какие социальные и культурные факторы побуждают информанта рассуждать о языке именно так, а не иначе. Выяснение того, что информанты думают о языке, — это всего лишь хорошо известный *эмный* подход (противопоставленный *этному* подходу; напомним, что эти термины введены лингвистом Кеннетом Пайком, учеником Э. Сепира), а изучение «народной лингвистики» полностью укладывается в одну из четырех выделенных Ф. Боасом областей антропологии — лингвистическую антропологию: именно в извлечении культурного смысла из собранных народных представлений о языке состоит задача исследователя.

Библиография

- Брайт У.* Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика / Под ред. Н.С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1975. С. 34–41.
- Гаврилова К.* Конференция «Народная лингвистика» — взгляд носителей языка на язык» // Антропологический форум. 2013. № 18 Online. С. 423–443.
- Гулида В.Б.* Конференция «Народная лингвистика» — взгляд носителей языка на язык» // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 136–143.
- Зализняк А.А.* Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мирь, 2010.
- Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2007.
- Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013.
- «Народная лингвистика» — взгляд носителей языка на язык: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 года / “Folk linguistics”: Language from Speakers’ Perspective: Paper abstracts for the conference, St. Petersburg, November 19–21, 2012. СПб.: Нестор-История, 2012.
- Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика / Под ред. Н.С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1975.
- Обыденное метаязыковое сознание и народная лингвистика: Межвуз. сб. науч. ст. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008.
- Foley W.* Anthropological Linguistics: An Introduction. L.: Blackwell, 1997.
- Hoenigswald H.M.* A Proposal for the Study of Folk Linguistics // Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistic Conference 1964. The Hague; P.: Mouton, 1966. P. 16–20.
- Montgomery C., Beal J.* Perceptual Dialectology // Analysing Variation in English / Ed. by W. Maguire, A. McMahon. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 121–148.

- Niedzielski N.A., Preston D.R.* Folk Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Preston D.R.* Perceptual Dialectology: Nonlinguists' Views of Areal Linguistics. Dordrecht; Providence: Foris, 1989.
- Preston D.R.* Language Attitudes to Speech // Language in the USA: Themes for the Twenty-first Century / Ed. by E. Finnegan, J.R. Rickford. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 480–492.
- Preston D.R.* Language, People, Salience, Space: Perceptual Dialectology and Language Regard // Dialectologia. 2010. No. 5. P. 87–131.
- Silverstein M.* Language Structure and Linguistic Ideology // The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels / Ed. by P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
- Silverstein M.* The Limits of Awareness: Working Papers in Sociolinguistics 84. Austin, TX: Southwestern Educational Laboratory, 1981.
- Woolard K.A., Schieffelin B.B.* Language Ideology // Annual Review in Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 55–82.

Евгений Головки